

Бермудс
СМОЛА

Бернрис
СМОЛА

ВСПОМНИ
МЕНЯ,
ЛЮБОВЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Bertrice Small

LOVE, REMEMBER ME

Перевод с английского *Е. М. Валкиной*
Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора
и ее литературных агентов,
Ethan Ellenberg Literary Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия).

Смолл, Бертрис.

С51 Вспомни меня, любовь : [роман] / Бертрис Смолл ; [пер. с англ. Е. М. Валкиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Гарем Бертрис Смолл).

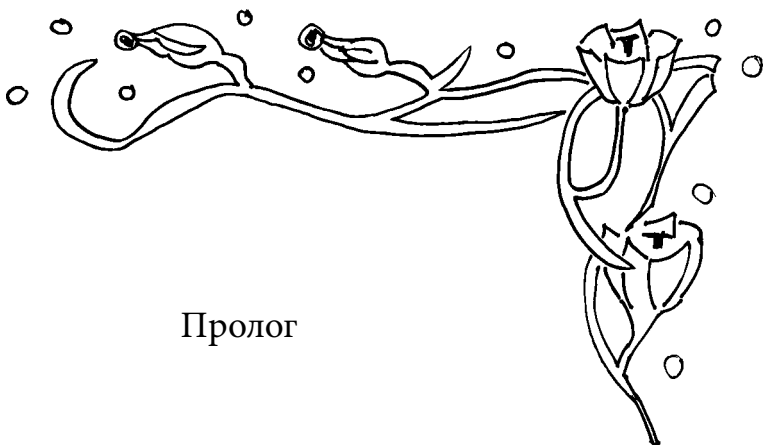
ISBN 978-5-17-093986-2

Юной английской аристократке Ниссе Уиндхем предстояло стать женой короля — но хитрые придворные интриги привели ее вместо этого в объятия неотразимого Вариана де Винтера. Словно сама судьба взялась доказать девушке, что блеск, роскошь и даже королевское могущество — ничто в сравнении с извечным женским счастьем разделенной любви и пылкой, пламенной страсти...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093986-2

© Bertrice Small, 1998
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

Королева умерла.

В пятницу, двенадцатого октября, она благополучно разрешилась крепким, здоровым младенцем. Король, пребывавший в тот момент в Эшере, узнав, что королева подарила ему принца, тут же помчался в Хэмптон-Корт взглянуть на сына. При виде крупного светловолосого ребенка Генрих Тюдор преисполнился безграничной радости. Наконец-то он получил наследника мужского пола! Он даже ощутил некоторое расположение к дочерям: фанатично-набожной, болезненного вида Марии, всегда бросающей на него исподлобья угрюмые взгляды, и малютке Елизавете, ребенку Нэн. Мало кто отзывался о ней хорошо: девчонка была чересчур упряма, капризна и своевольна. Хорошо хоть Джейн, Господь да вознаградит ее, любит его девочек. Она пожелала, чтобы они жили рядом с ней, во дворце: Мэри для компании, а Бесс будет воспитываться с их сыном.

— Ты хорошо потрудились, любовь моя, — сказал король, целуя королеву в лоб и пожимая тянущуюся к нему маленькую руку. — Отличный парень, и мы должны заделать еще парочку, чтобы ему не было скучно, а, Джейн? — Его глаза, обращенные на королеву, сияли любовью. — Еще три или четыре мальчишки для Англии!

Он чувствовал себя победителем; Господь, похоже, простил его. Наконец-то Господь оценил его труды, его примерное поведение за последние годы и послал ему сына!

Джейн Сеймур слабо улыбалась, глядя на мужа. Она выдержала почти трое суток боли, изнурительного труда, но, прежде чем отдыхать, нужно решить вопрос об имени ее сына.

— Как вы назовете его, мой государь? — спросила она мужа.

Сейчас, когда память о перенесенных страданиях еще так свежа, королева не хотела даже думать о следующих родах. Если бы Бог дал мужчине способность к деторождению, мелькнуло у нее в голове, оставались бы они такими же убежденными сторонниками многочисленного потомства?

— Эдуард, — подумав, ответил король. — Мой сын будет носить имя Эдуард.

Во все концы страны понеслись королевские герольды, чтобы возвестить народу хорошие вести: у короля Генриха VIII и его королевы Джейн родился здоровый младенец, мальчик. Церковные колокола города Лондона начали веселый перезвон, который продолжался весь день и всю следующую ночь. Во всех церквях Англии по случаю рождения принца Эдуарда запели «Te Deum» («Тебя, Бога, хвалим»). Повсюду запылали праздничные костры, лондонский Тауэр скрылся в облаке голубоватого дыма, когда его пушки дали двести залпов в честь новорожденного. Хозяйки украсили свои дома гирляндами и начали стряпать кушанья для праздничных пиршеств в ознаменование счастливого события. Поток подарков и поздравлений хлынул в Хэмптон-Корт со всех концов Англии. Кто знает, может быть, радость, переполняющая короля, прольется милостями и щедротами? Вся Англия вместе с Генрихом и его супругой приветствовала рождение принца Эдуарда.

Пятнадцатого октября, в понедельник, младенец был крещен в королевской церкви Хэмптон-Корта. Крестными, согласно решению короля, которому с готовностью повиновалась его кроткая супруга, стали архиепископ Кранмер, герцоги Суффолк и Норфолк, а также старшая дочь короля принцесса Мария. Девчонка Нэн тоже должна была принять участие в церемонии; на этом настояла мягкосердечная королева Джейн.

Так что маленькая леди Елизавета, сидя на руках брата королевы лорда Бьючемпа и изо всех сил стараясь
6 удержать чашу с елеем, нисколько не сомневалась ни

в важности происходящего, ни в своей исключительной в нем роли. Она, правда, не была до конца уверена, что же все-таки нравится ей больше — то, что она участвует в таком грандиозном спектакле, или то, что ее нарядили в такое роскошное новое платье. После окончания обряда Елизавета вернулась на половину королевы, держась за руку старшей сестры.

И король, и королева благословили своего сына. Затем вызвавший всеобщее восхищение младенец был передан герцогине Суффолкской, которой отныне предстояло о нем заботиться. Для юного принца отвели отдельные покои.

Помня о судьбе, постигшей его сыновей от принцессы Арагонской, король распорядился, чтобы на половине принца Эдуарда поддерживалась безукоризненная чистота. Все помещения, включая коридор, следовало ежедневно подметать и мыть мыльной водой. Все вещи, которые носил или до которых дотрагивался принц Эдуард, должны были быть чистыми. Такие требования гигиены в те времена казались причудой, но Генрих Тюдор требовал неукоснительного их выполнения. Две королевские кормилицы были крепкие, пышущие здоровьем деревенские молодки. У одной из них родился мертвый ребенок, вторая отдала свою новорожденную дочку на попечение невестки, так как наследнику трона не пристало делить свою пищу ни с каким другим младенцем — ведь тот, другой, мог заболеть и заразить принца. А это дитя должно жить, чтобы наследовать корону отца. Для этого были приняты все, решительно все возможные меры. Эдуард Тюдор был слишком важным ребенком.

На следующее утро после крещения принца королева заболела. К вечеру показалось, что ей стало лучше. Но за ночь состояние больной значительно ухудшилось. Пользовавшиеся ее величеством медики единогласно поставили диагноз: родильная горячка. В течение следующей ночи королева была близка к смерти. Епископ Карлайль, королевский духовник, уже собирался исповедовать и причастить ее, когда на следующее утро Джейн Сеймур неожиданно почувствовала себя гораздо лучше. С четверга, ко всеобщему облегчению, казалось, болезнь отступила, но в пятницу вечером у королевы начался новый сильнейший приступ горячки. Она впала в беспамятство. Теперь уже не было сомнений, что смерть ходит рядом, но еще никто не осмеливался произнести это вслух.

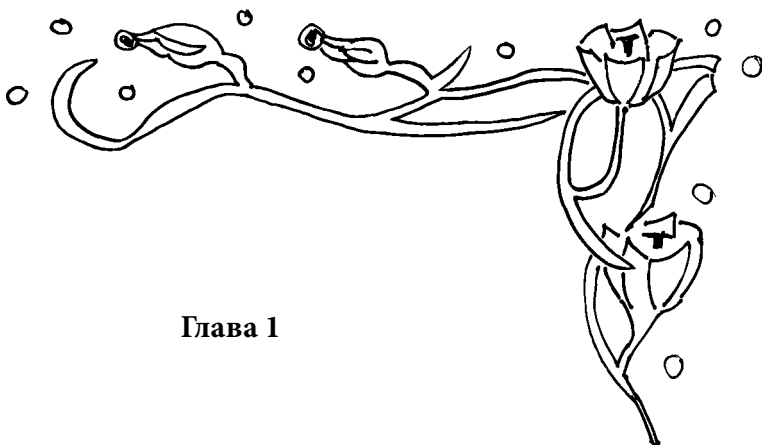
Король, ранее намеревавшийся вернуться в Эшер к началу охотничьего сезона, назначенному на двадцать третье октября, не решился, однако, покинуть свою возлюбленную Джейн. Даже ему наконец стало ясно, что королева умирает. К величайшему удивлению окружающих, король рыдал, как дитя. Мало кто мог вспомнить, что когда-нибудь вообще видел слезы короля. Генрих Тюдор всю ночь оставался у постели жены. В полночь в спальню вошел епископ Карлайль и совершил последние обряды. На сей раз уже ни у кого не было надежды на чудесное исцеление. Выполнив свой долг, епископ сделал все, чтобы как-то успокоить господина, но король оставался безутешным. В два часа ночи, в тот самый час, когда двенадцать дней назад она произвела на свет дитя, королева Джейн скончалась. Король немедленно отбыл в Виндзор и уединился там. Оставаться в одном доме с усопшей считалось плохой приметой.

Похороны королевы, разумеется, обставили со всей пышностью. Ее исхудавшее тело обернули в золотые покровы, красивые светлые локоны расчесали и разложили по плечам. На голову надели сверкающую драгоценными камнями корону. Она лежала в парадной спальне Хэмптон-Кортского дворца, а во всех церквах служили мессы за упокой ее светлой души. Затем тело перенесли в королевскую церковь, где фрейлины королевы целую неделю бодрствовали рядом с телом своей госпожи.

Мария Тюдор горячо оплакивала смерть королевы. Она искренне любила и уважала свою нежную, добрую, верующую мачеху, которая так любовно и заботливо старалась вернуть ей привязанность ее необузданного отца. Немногие люди осмеливались проявлять доброту к Марии с тех пор, как ее мать впала в немилость. Царствование Анны Болейн стало для нее сущим адом, но Джейн Сеймур всегда оставалась добра к ней.

В восьмой день ноября гроб с телом королевы перевезли в Виндзор, где и похоронили двенадцатого числа, в понедельник. Король по-прежнему горевал, но уже почти окончательно решил взять себе четвертую жену. Одного сына явно недостаточно, чтобы гарантировать надежность династии Тюдоров. Его возлюбленная Джейн мертва, но он ведь еще достаточно молод, чтобы с помощью плодовитой супруги произвести на свет еще нескольких сыновей.

Королева умерла, но король, слава Богу, жив!

Глава 1

— Да, он действительно сказал, что может в один прекрасный день посетить Риверс-Эдж, — произнесла леди Блейз Уиндхем, графиня Лэнгфорд, обращаясь к своему мужу. — Ты ведь сам это слышал.

— Но я думал, он сказал так из вежливости, — раздраженно ответил граф. — Люди очень часто говорят, что как-нибудь заедут к вам в гости, но никто не воспринимает это всерьез, и обычно так никто и не приезжает. Неужели ты в самом деле надеялась когда-нибудь увидеть короля здесь, в нашем доме? Я — нет. — Энтони Уиндхем резким движением пригладил свои темные волосы. — У нас не такой уж большой дом, Блейз. Как долго он намерен здесь оставаться? Сколько людей он привезет с собой? В состоянии ли мы принять короля как подобает? — Граф сердито взглянул на жену, поскольку именно она, в силу давнего и близкого знакомства с королем, несла ответственность за это нарушение спокойного течения их жизни.

Блейз рассмеялась.

— О, Тони, — успокаивающе произнесла она, — Генри вовсе не собирается наносить нам официальный визит. Просто король охотился в этих краях и, вспомнив, что Риверс-Эдж где-то неподалеку, решил повидать нас.

Его будут сопровождать не более полудюжины человек. Они позавтракают у нас, вот и все. — Она ласково похлопала мужа по руке. — Все будет хорошо, вот увидишь.

— Все равно у нас мало времени, чтобы как следует подготовиться, — продолжал ворчать граф. — Как это похоже на короля — совсем не подумать о нас!

— С каких это пор хозяйство стало вашей заботой, сэръ? — повысила голос Блейз. — Король приезжает завтра. Для меня этого времени более чем достаточно, чтобы подготовиться к его приему. От тебя, Тони, требуется только одно: быть таким же обаятельным и гостеприимным, как всегда. — Стараясь умиловать своего красавца мужа, Блейз поцеловала его в щеку. — Кстати, любимый, я дала знать родителям в Эшби и моим сестрам, чтобы они тоже приехали на встречу с королем.

— Все? — нервно переспросил супруг. Блейз была старшей из одиннадцати детей, восемь из которых принадлежали к прекрасному полу.

— Только Блисс и Блайт, — поспешила успокоить его жена. — Правда, мама, возможно, привезет братьев Генри и Тома. Жена Гэвина тоже вот-вот родит — он не оставит ее, я уверена, ведь это их первый ребенок.

Граф Лэнгфорд почувствовал некоторое облегчение, узнав, что не все родственники жены наводнят его дом. Из ее сестер он был хорошо знаком с Блисс, графиней Марвуд, и Блайт, леди Кингсли, ближайшими по возрасту к его жене. Четвертую сестру Делию много лет назад увез в Ирландию муж, Кормас О'Брайан, лорд Киллал. Вести от нее приходили редко. Следующие сестры, двойняшки Ларк и Линнетта, были замужем за братьями-близнецами, сыновьями лорда Аскотта. Они готовы были жить в глуши и оставаться «деревенскими женами», лишь бы их не разлучали друг с другом. Гордая Ванора, предпоследняя из сестер, вышла замуж за маркиза Бересфорда, а самая младшая сестра Гленн была обручена с маркизом Адни. Все дочери лорда Роберта Моргана славились не только красотой, но и замечательной способностью производить на свет здоровых и многочисленных отпрысков.

— Это воистину уникальная возможность, — провозгласила Блейз таким многозначительным тоном, что ее муж тут же вернулся от своих мыслей к реальности.

— Возможность для кого? — требовательно спросил он. — И для чего, мадам?

— Для наших детей, Тони! Нисса, Филипп и Джайлс. Теперь, когда кончился срок траура по королеве Джейн и король обручился с принцессой Клевской, у него должно быть прекрасное настроение, особенно если завтрашняя охота будет удачной и если моя кухня придется ему по вкусу.

— Что ты задумала, Блейз?

— Я хочу устроить при дворе Ниссу, Филиппа и Джайлса. Во-первых, Тони, им нужно пообтесаться, приобрести лоск, во-вторых, мы еще не нашли никому из них подходящей пары. Думаю, Нисса сможет подцепить при дворе хорошего мужа. Вероятно, и мальчики привлекут внимание некоторых отцов, ищущих хорошую партию для дочерей. Конечно, не самых могущественных и знатных родов, но из благородных, уважаемых семейств. Филиппу предстоит стать следующим графом Лэнгфордом, а Джайлсу я отписала доходное имение Гринхилл. Так что наши старшие сыновья могут быть весьма привлекательной добычей, — с улыбкой закончила Блейз.

— Не уверен, что мне нравится мысль отправить Ниссу ко двору, — с сомнением произнес граф Лэнгфорд. — Мальчиков — да, согласен, но Ниссу — нет.

— Почему же? — бросилась в наступление его жена. — Здесь, в округе, нет никого, за кого мы могли бы выдать ее, ни одного приличного молодого человека. Принцесса Клевская, как меня уверяли, очень добрая, благородная и образованная леди. Если бы Нисса получила место ее фрейлины, она оказалась бы под защитой королевы и в то же время у нее появилась бы возможность встретить подходящего молодого человека. Иначе она его не встретит никогда. Если король все еще питает ко мне добрые чувства — а я думаю, что это так, потому что Генри сентиментален и всегда видит прошлое сквозь розовую дымку, — он охотно окажет нам эту милость и возьмет детей во дворец. Ох, Тони! Никогда в жизни нам не представится лучшего случая устроить будущее наших детей. Старшие дети познакомятся и завяжут связи при дворе и впоследствии смогут помочь другим нашим сыновьям, когда придет их черед покинуть гнездо. Учти, что младшие, не имея денег, будут очень нуждаться в покровительстве.

— Ричард, возможно, в один прекрасный день примет сан, — возразил граф. — Что за нужда ему тогда в представлении ко двору?

— Архиепископ бывает при дворе, — с терпеливой улыбкой парировала Блейз. — Какой прекрасный случай для нашего сына!

Энтони Уиндхем рассмеялся:

— Я успел позабыть о твоей неиссякаемой находчивости, моя дорогая Блейз! Ну что ж, очень хорошо, осуществляй свои планы. Если Бог захочет тебе помочь, так тому и быть. Нисса, Филипп и Джайлс отправятся ко двору, а Ричард когда-нибудь познакомится с архиепископом. — Потянувшись, он погладил жену по выпуклому животу — Блейз была на сносях. — А ты уверена, что это опять будет мальчик?

— Мне кажется, мой господин, вы можете зачать только мальчика, — улыбнулась она. — Пять прекрасных сыновей родила я от тебя.

— И Ниссу, — добавил он.

— Нисса — ребенок Эдмунда, — мягко уточнила Блейз. — Ты был ей хорошим отцом, Тони, но в ней течет кровь Эдмунда.

— Но это и моя кровь, — настаивал граф. — Разве мы с Эдмундом не родственники? Он мой дядя. Я очень любил его, Блейз.

— Скорее, он был тебе братом, Тони. Между вами всего несколько лет разницы, и твоя мать воспитала вас обоих.

— Моя мать! О Господи, Блейз! Ты послала к ней в Риверсайд? Она, наверное, тоже захочет засвидетельствовать свое почтение королю.

— По дороге к моим родителям нарочный заедет к леди Дороти, — хихикнула Блейз. — Бедный Генри! Он и понятия не имеет, что его ожидает завтра.

Король прибыл утром. Он пребывал в самом прекрасном расположении духа, поскольку самолично застрелил двух оленей и одного матерого оленя с такими царственными рогами, каких, по признанию его спутников, никто до сих пор не видывал. Благодаря этому успеху король снова чувствовал себя молодым. Однако молодость давно миновала. Прошло более трех лет с тех пор, как Блейз видела его последний раз, и теперь она была потрясена при виде происшедших в нем перемен. Король сильно прибавил в весе. Одежда стала ему

12 тесна. Когда-то столь изящный и стройный, он сделался бесформенным и тяжеловесным. Склоняясь пе-

ред королем в глубоком реверансе, графиня Лэнгфорд тщетно пыталась вызвать в памяти облик молодого обаятельного мужчины, который когда-то был ее возлюбленным.

Генрих Тюдор взял ее за руку и помог подняться.

— Вставай, вставай, моя милая, — ласково промолвил король, и звук знакомого голоса помог ей на мгновение воскресить прошлое. — Знаю, что ты навеки самая преданная из моих подданных.

В обращенных на нее глазах короля мелькнула знакомая полускрытая усмешка.

— Мой дорогой господин! — отвечала Блейз, улыбаясь и становясь на цыпочки, чтобы поцеловать короля в щеку. — Как приятно вновь увидеть вас. Наши сердца и наши молитвы всегда с вами и с принцем Эдуардом. Ваше величество, вы самый желанный гость в Риверс-Эдже!

— Могу только присоединиться к чувствам и словам моей жены, — с достоинством произнес граф Лэнгфорд, делая шаг вперед.

— О, Тони! Ты должен поохотиться с нами сегодня днем! — сказал король и, нахмурившись, обернулся к своей свите: — Почему никто не догадался пригласить лорда Лэнгфорда на утреннюю охоту?! Неужели я сам должен думать обо всем?!

— Почту за честь присоединиться к вашему величеству, — поспешно вставил Энтони Уиндхем, стремясь предотвратить вспышку королевского гнева. — Не желаете ли пройти в зал и начать трапезу? Блейз старалась изо всех сил.

Графиня Лэнгфорд изящным жестом взяла короля под руку.

— Пойдем, Гэл, — сказала она, называя его уменьшительным именем, как в былые времена. — Мои родители и мать Тони приехали и ждут встречи с тобой. А у меня найдется для тебя отличный кусок говядины, да еще и паштет из куропаток. Если память мне не изменяет, ты всегда любил его. Я сделала к нему чудесную подливку из красного вина, лука-шалота и молодой моркови.

Еще раз улыбнувшись, заглядывая ему в лицо снизу вверх, Блейз ввела короля в дом.

— Прошу вас, присоединяйтесь, джентльмены, — пригласил граф спутников короля, и они вслед за ним прошли в Большой зал замка.

Там графиня уже представляла королю своих родителей: лорда и леди Морган, мать мужа — леди Дороти Уиндхем. Зятя, Оуэн Фицхаг, граф Марвуд, и лорд Николас Кингсли, а также их жены, Блисс и Блайт, тоже приветствовали короля. Лорд Морган представил его величеству двух своих младших сыновей, шестнадцатилетних Генри и Томаса.

Король чувствовал себя в своей стихии и наслаждался дружественным приемом. Он всегда был равнодушен к преклонению перед своей персоной. Генрих нашел доброе слово для каждого — поздравил Морганов с тем, какую прекрасную, огромную семью они создали, попенял леди Дороти, что она давно не бывала при дворе: «Во дворце всегда найдется комната для красивой женщины».

Леди Дороти, которой уже стукнуло шестьдесят пять, не растерялась:

— Увы, ваше величество, сын не позволяет мне. Он опасается за мою добродетель.

— Ну разумеется, он прав, мадам! — расхохотался король и повернулся к Блейз: — А где же твой очаровательный выводок, моя милая девочка из глуши? — «Моя девочка из глуши», «моя деревенская девочка» — так король всегда называл ее. — Последний раз мне говорили, что у тебя четверо парней и одна дочка.

— Теперь у нас уже пятеро сыновей, сэра. Маленькому Генри минуло два года в июне. Мы назвали его в вашу честь, — сообщила Блейз. — И как вы видите, скоро я разрешусь седьмым ребенком.

— Нет ничего прекрасней хорошей английской жены! — с чувством произнес король, и его спутники тут же потупились. — Как мне не хватает моей возлюбленной Джейн...

— Пройди сюда, Гэл, — предложила Блейз и подвела его к почетному месту на возвышении.

Следуя за королем, она заметила, что он припадает на одну ногу, и подумала, что нужно было приготовить ему более мягкое сиденье.

— Я велю привести сюда детей, как только ты захочешь их увидеть, — сказала Блейз. — Но я боялась, что они могут помешать.

— Глупости! — буркнул король, тяжело опускаясь в кресло. — Я хочу увидеть их всех, даже маленького.

Стоявший наготове слуга сразу же вложил в руку почетного гостя огромный кубок с вином, и король с

жадностью осушил его. Блейз подала знак своей горничной Геарте и велела ей тотчас же привести детей. Сверху, с галереи менестрелей, полилась приятная музыка. Король откинулся назад и полулежал в кресле, наслаждаясь отдыхом.

В зал вошли дети Уиндхемов. Впереди шел наследник титула, лорд Филипп Уиндхем, замыкала шествие старшая дочь, леди Нисса Уиндхем, державшая на руках самого младшего брата.

— Позвольте представить вашему величеству моих детей, — официальным тоном произнесла Блейз. — Это Филипп, наш старший сын. Ему сейчас двенадцать лет. Вот Джайлс, ему девять; Ричард, восемь; Эдуард, четыре, и, наконец, Генри, два года.

Все сыновья Блейз и Энтони, в том числе младший, которого сестра спустила на пол, отвесили изящные поклоны.

— А это моя дочь Нисса. Тони воспитал ее как родную, но она — ребенок моего первого мужа, Эдмунда Уиндхема.

Нисса Уиндхем присела в глубоком реверансе, складки темно-розовой шелковой юбки красивым веером легли вокруг ее ног. Поднявшись, она скромно опустила глаза перед своим монархом.

— Так же хороша, как самая прекрасная роза Англии, — любезно отметил король. — Сколько ей лет, мадам?

— Шестнадцать, ваше величество, — ответила Блейз.

— Она помолвлена?

— Нет, мой господин.

— Почему же? Она достаточно хороша и к тому же дочь графа. Не сомневаюсь, что у нее отличное приданое, — заявил король.

— Здесь, в наших краях, нет никого, с кем мы могли бы сосватать ее, Гэл, — вполголоса пожаловалась Блейз. — У нее действительно отличное приданое. Оно включает Риверсайд, имение с хорошим домом и прилегающими землями. Нисса — прекрасно обеспеченная девушка, но... В самом деле, Гэл, я бы очень хотела, чтобы она некоторое время пожила при дворе. — На губах Блейз играла легкая улыбка, но глаза ее остро следили за реакцией короля.

Давясь от смеха, король предостерегающе помахал пальцем перед ее носом.

— Мадам, — прорычал он забавляясь, — у вас нет ни стыда, ни совести, но, впрочем, мне всегда было об